

МОСКОВСКИЙ ПРОЦЕСС

Русская мысль. - 1996. - Париж - 7 марта - с. 6.

О Т Р Ы В К И И З К Н И Г И

Помилуйте, да ведь все они страдали, боролись, преследовались — так уж был устроен советский режим, суть которого не изменилась со времен Сталина. И те академики, что, расталкивая коллег локтями, рвались подписать письмо против Сахарова. А как же? Ведь те, кому подписать не удалось, пострадали — они не попали в число «ведущих советских ученых». И мой случайный собеседник, «сосланный» за вольнодумство послом в одну захудалую западную страну. И даже Андропов — только подумайте, сколько же ему пришлось вытерпеть от «идеологов» в политбюро! Все они боролись и страдали. Преследовали одних и преследовались другими, были и палачами, и жертвами одновременно. Но то, что жертвы, — теперь вспомнил каждый; а то, что палачи, — никто вспомнить не хочет.

А плуце всех страдала творческая интеллигенция, ежедневно «приносившая жертву» ради спасения своего таланта, своей науки, искусства, литературы... Да ведь в наши годы писателю просто требовалось чуть-чуть пострадать, чтобы талант его обратил на себя внимание, засверкал, заискрился. Не всерьез, конечно, а так, как писал Высоцкий: чтоб «в тридцать три распяли, но не сильно». Какой же это писатель, если его совсем-совсем не преследуют? Кто бы, скажите, вообще знал, особенно на Западе, о существовании такого «поэта», как, например, член ЦК ВЛКСМ Евгений Евтушенко, если бы не его «авторитет» опального, преследуемого, «сердитого» молодого человека? А стоило это не дорого:

Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР докладывает, что в №6 журнала «Юность» за 1977 год заверстана поэма Е.Евтушенко «Северная надбавка». Герой поэмы Петр Щепочкин длительное время работает на севере и, зашив в пояс свою «северную надбавку» в десять тысяч рублей, едет в отпуск. Он мечтает о том, как сядет в поезд «Владивосток — Москва» и «в брюшную полость» нальет себе пивка. (...)

Прогуляв в столице несколько «слипшихся» дней и став легче «на три аккредитива и тяжелой бутылки на сто пива» Петр Щепочкин решает навестить свою сестру Валу, работающую медсестрой в подмосковном городе Клину. Его, привыкшего швырять сотни и тысячи рублей, «ошеломила» встреча с сестрой, живущей вместе с мужем и ребенком в «окраинном» бараке на зарплату в сто пятнадцать рублей. Герой поэмы при этом горько размышляет

«...про множество вещей — про эти сторублевые зарплаты, про десятиметровые палаты, где запах и пеленок и борщей.

Он думал —

что такое героизм? Чего геройство показное стоит, когда оно вздымает гири ввысь, наполненные только пустотой?»

Свой вывод он «формулирует» в словах, обращенных к старику-сторожу: «Воров боишься? Разберись, кто вор...», недвусмысленно тем самым намекая, что люди, получающие «сторублевую зарплату» и проживающие в «десятиметровых палатах», по сути дела обворованы.

На эти неприемлемые с нашей точки зрения моменты из поэмы Е.Евтушенко «Северная надбавка» обращено внимание заместителя главного редактора журнала «Юность» А.Дементьева в беседе с ним в Главном управлении 6 мая с.г. Тов. Дементьев согласился с этими замечаниями, но сказал, что редакция вряд ли сумеет внести в поэму нужные исправления, поскольку поэт якобы заявил, что он ни одной строчки в ней менять не будет.

Ну что значит — «ни одной строчки»? Ведь это ж все, как признал сам поэт, «геройство показное», «наполненное только пустотой». Конечно же, ЦК во всем разоблачил, все поправил.

Главит СССР (т.Романов) информирует о том, что в очередном номере журнала «Юность» (№6, 1977) готовится к публикации поэма Е. Евтушенко «Северная надбавка», в которой допущены серьезные идейно-художественные просчеты, искажающие нашу действительность.

В соответствии с поручением в Отделах пропаганды и культуры ЦК КПСС состоялась беседа с руководством журнала «Юность» (т.Дементьев) и Союза писателей СССР (т.Сартаков). Как сообщил т.Дементьев, при подписи в печать в текст внесены существенные поправки, учитывающие замечания Главлита. В ходе беседы редакции журнала было предложено продолжить работу по редактированию текста.

Вопрос о публикации поэмы Е.Евтушенко, с учетом проведенной работы по редактированию текста в целом, считали бы возможным оставить на окончательное решение редколлегии Главлита «Юность». Было обращено внимание редакции (т.Дементьев) на необходимость неукоснительного соблюдения постановления ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-художественный уровень публикуемых материалов и репертуара».

Пожурили, поставили на вид — только и всего. И поэму напечатали, и на этап никто не поехал, но зато сколько шуму, разговоров — сам ЦК вмешался! Теперь и читатель зачитает журнал до дыр, и за границей появятся статьи сочувствующих журналистов о преследуемом правдолюбце Е.Евтушенко. Ну, и конечно, «авторитет» среди интеллигенции: он же не какой-нибудь там Долматовский, он опальный, сердитый...

Впрочем, и Евгений Долматовский тоже ведь не лыком шит, он тоже опальный и преследуемый.

В девятом номере журнала «Октябрь» за этот год опубликованы новые стихи поэта Е.Долматовского. Среди них — стихотворение «23 февраля 1973 года», посвященное празднованию дня Советской Армии и Военно-Морского Флота в наше время.

Система образов этого стихотворения такова, что, вместо раскрытия преемственной связи героических традиций советского народа и его вооруженных сил, она объективно ведет к противопоставлению сегодняшнего времени прошлому. В стихотворении содержатся двусмысленные образы и формулировки, бросающие, независимо от субъективных намерений автора, тень на современную жизнь. Е.Долматовский сетует, что «теперь салют сменился фейерверком. Не пушки, а одни хлопушки бьют».

Что касается преемственности в традициях советского общества, то автор считает: «Конечно, разноцветные ракеты салютам огнедышащим родня, но дальняя... И рыбы — предки наши!»

В Отделе пропаганды ЦК КПСС 12 сентября 1973 г. состоялась беседа с зам. главного редактора журнала «Октябрь» т. Строковым, в которой указано на ошибочность публикации этого стихотворения. Было обращено внимание редакции на повышение требовательности к идейному смыслу публикуемых материалов.

Так они и боролись — друг с другом, и страдали тоже друг от друга, в бесконечной борьбе за место у партийной кормушки. Спрашивается: и какая между ними разница? Почему мы должны отличать «правых» от «левых», «прогрессивных» от «реакционных» (а теперь еще и «демократов» от «патриотов», которые из них соответственно образовались), ежели они отличались не более, чем салют от фейерверка? В реальности же и те, и другие были всего лишь двумя разными частями одной и той же машины: одна работала «на экспорт», другая — для внутреннего потребления. Вот распорядился ЦК:

Руководство Французской компартии (ФКП) обратилось с просьбой о том, чтобы некоторые известные во Франции представители советской интеллигенции направили послание солидарности и симпатии французским коммунистам. Оно связывает эту акцию с митингом французской демократической интеллигенции, который состоится в г. Париже 30 января 1981 г. и рассматривается друзьями как манифестация

поддержки Генеральному секретарю ФКП Ж.Марше...

И, давя друг друга, спешат расписаться под письмом, которое составил полуграмотный аппаратчик из международного отдела, самые прогрессивные да либеральные: и Трифонов, и Катаев, и Ютевич, и даже Тарковский. А как же? Должок-то отдавать надо, за привилегию быть «на экспорт» надо платить.

Мы выражаем горячую солидарность с вашей борьбой за расцвет национальной культуры, за развитие интернациональных творческих связей между работниками культуры всех стран, за мир, демократию и социализм. В наше время идеи свободы, равенства и братства неразрывно связаны с идеями социализма, который делает доступными для трудящихся все формы культуры и все достижения человеческого гения.

Подписывают и, заметьте, рожу не кривят, что, дескать, стиль дубовый, что «мы — писатели» написали бы лучше. Знают: зато им простятся некоторые стилистические вольности в их собственном творчестве. Цензура благодушно пропустит: там — недомолвку, здесь — нарек. Советское «искусство», «литература», ими созданные, так и остались на уровне игры с цензурой, на уровне полунамеков, понятных лишь посвященным, кото-

генции о том, как она страдала, вынужденная лгать, я недоумеваю: а почему непременно, любой ценой, надо было становиться писателями, профессорами, академиками? Талант здесь, как мы видим, ни при чем, с ним можно и дворником быть. Такой выбор имелся у каждого. Но нет, в дворники никто идти не пожелал, всем хотелось страдать комфортабельно. Всем требовалось благородное оправдание собственного конформизма.

Помню, как, выйдя из психушки в 1965 году, вдруг обнаружил, что все мои «оттепельные» друзья куда-то исчезли, словно растворились. А встреченные случайно на улице, непременно куда-то спешили с папочками и портфельчиками или еще лучше — с детской колясочкой. «Извини, старик, — бормотали они на ходу, не подымая глаз, — нужно вот диплом сперва защитить, диссертацию, кандидатскую получить». Или: «Нужно сперва детей вырастить». И трусили дальше, не глядя по сторонам. Казалось, целое поколение моих сверстников отгородилось от жизни папочками да колясочками, учеными степенями да книгами. Кого они думали обмануть? Себя, режим, своих детей? Разве в наше время, в отличие от 20-х — 30-х годов, кто-то не знал, не понимал, что любые их таланты и достижения будут использованы режимом только во вред людям? Разве непонятно было, что, не решив этих проблем, взваливать их на детей по меньшей мере бессовестно? Из них, как и из вас, просто сделают со временем или палачей, или жертв — ведь ничего другого этот чудовищный конвейер произвести не мог.

И точно: лет через двадцать этих самых детей, зачатых в самообмане, для оправдания собственного бесстыдства, погнали в Афганистан, чтобы убивать или быть убитыми. Тупо молчала страна, привычно трусили на службу, к своим книгам и диссертациям, их папы и мамы: даже и такая жертва не показалась им достаточно велика, чтобы потревожить их привычный мирок с его страданиями и авторитетами. Вот и долюбовались собой: теперь и книг, и докторских диссертаций, всего того интеллигентского самовыражения, коим и оправдывались, хоть пруд пруди, а страна гибнет. И нет в них ни тени раскаяния. Куда там! Винават кто угодно, только не они.

Признаюсь, я не испытываю ни малейшего сочувствия к этим людям. Напротив, слушая теперь их нытье, их бесконечные жалобы на тяготы посткоммунистической жизни, в моей душе поднимается нечто наподобие злорадства.

«Ага, — думаю я, — вам голодно, вам нечего есть? А вот ваш диплом в толстых кожаных корочках, вот толстенная диссертация — жуйте их. Вам не платят зарплату четвертый месяц? А чем же всю жизнь занимались? Ах, книжки писали? Ну, так идите на улицу, продавайте их прохожим. Вам плохо? Но ведь раньше вам было хорошо? Так, значит, все в порядке — справедливость, наконец, восторжествовала».

Мне трудно избавиться от мысли, что нынешние их бедствия более чем заслужены. Ведь именно на них — не на фанатиках-коммунистах, коих в наши дни была горсточка, и даже не на КГБ, не на стукачах, коих в наше время вполне можно было игнорировать, — на них держался этот режим лишь тридцать лет. На их самовлюбленном конформизме, на их самооправданиях, на их всеядности. И если с поколением наших родителей, переживших сталинское средневековье, еще можно спорить, когда они, словно заклинание, твердят свое триединое: «не знали — верили — боялись» — то аналогичное бормотание этих людей вызывает лишь насмешку.

Верили — во что? В то, что режим незыблем? Что его хватит на вашу жизнь?

Боялись — чего? Потерять свои привилегии, свое благополучие?

Не знали — чего? Что от расплаты друг за дружку не спрячешься?

Новый Чичиков и его «мертвые души»

Невозможно описать, в какой экстаз пришла советская интеллигенция от появления Горбачева с его «гласностью». Еще бы! На них ведь она и была рассчитана, им и адресовалась. Им да им подобным на Западе — всем тем, для кого ее появление было прежде всего оправданием их коллаборационизма:

— Вот видите? — торжествовали первые, — к чему был нам — писателям весь этот шум, эти «движения»?

— Вот видите, — вторили последние, — нужна была не конфронтация, а сотрудничество.

Пожалуй, не вспомнить другого такого момента в истории человечества, когда коллаборанты и конформисты вдруг оказались самыми большими героями. Страна захлебывалась от восторга собственной смелостью. Те самые газеты, что десятилетиями наполнялись ложью и оттого распространялись почти насильственно, раскупались теперь с утра; то же самое телевидение, которое уже и не смотрел никто, за исключением футбольных хоккея, глядели теперь за полночь, словно замороженные, и бежали утром на работу с красными глазами. Разве было на этих страницах, на этом экране хоть что-нибудь, чего все бы уже не знали и так, со времен Хрущева, по передачам западных станций или из самиздата? Наконец, от собственных родителей, друзей, соседей, дедушек и бабушек? Нет, конечно. Но — как смело! Как интересно!

Удивительное это было время — время лжи в кубе, лжи уже настолько извращенной, что и чистая правда становилась обманом. И те, кто писал-показывал, лгали, изображая из себя отважных первооткрывателей; и те, кто читал-смотрел, лгали, делая вид, что только теперь все это узнали. И заворачивала их отнюдь не новизна информации, но тот факт, что теперь это можно. Без малейшей иронии и при всеобщем восторге заговорили вдруг о «белых пятнах истории», о прошлых преступлениях режима. Да разве кто-то не знал о репрессиях, об уничтожении крестьян в коллективизацию, о Большом Терроре 30-х, о сговоре Сталина с Гитлером перед войной или о высылке целых народов после войны? Да ведь и семьи такой не было, где бы кто-то не пострадал или хотя бы не поучаствовал в этих событиях. Но раньше было — нельзя, а теперь — можно. И, затаив дыхание, каждый следил воспаленными глазами: а что еще будет можно завтра?

Между тем, десятилетия между Хрущевым и Горбачевым, их собственная жизнь, продолжали зиять одним большим «белым пятном», никого особенно не волнующей своей девственной белизною. Нет, конечно, о них писалось и говорилось даже слишком много: и про «застой» в экономике, и про экологическую катастрофу, и даже про Венгрию с Чехословакией, а со временем и про Афганистан. Но все это было как бы не про них, а про марсиан. Они сами как бы и отношения не имели к происходившему. Они страдали — как Познер, были жертвами — как Евтушенко, боролись — как Андропов. Они «не знали — боялись — верили».

Характерно, однако, что, используя нашу терминологию, наши определения «застоя» и «правового государства», а иногда цитируя целые куски из самиздатских работ, никто из них ни разу даже не заикнулся о первоисточнике, о том, откуда появилось это странное слово — гласность. Будто бы и не было наших судов, наших книг, наших вечных обменов и высылков. Словно исчезли из жизни страны два десятилетия и жизнь началась заново, с нуля. И дело тут было даже не в том, что еще нельзя, а в том, что говорить об этом никто не хотел, понимая неизбежность вопроса:

— А что же в это время делали вы?

ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ

Кембридж

Продолжение следует.